

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
ГЛАВА 1	
СЕМЬДЕСЯТ ДВА ЧАСА.....	13
ГЛАВА 2	
ПЕРВОПРОХОДЕЦ	30
ГЛАВА 3	
УКРАДЕННОЕ ДЕТСТВО	53
ГЛАВА 4	
ВОЗМОЖНОСТЬ.....	73
ГЛАВА 5	
ТАИНСТВО ОБРАЩЕНИЯ В ВЕРУ.....	102
ГЛАВА 6	
ЛЮБОВЬ, ВОЙНА И ПРОБУЖДЕНИЕ.....	136
ГЛАВА 7	
ЛЕВ И ЛИСИЦА.....	156
ГЛАВА 8	
ПУТЬ В ЛАБИРИНТЕ.....	184
ГЛАВА 9	
КРУШЕНИЕ	215
ГЛАВА 10	
УГАСАЮЩИЕ АМБИЦИИ АЛАРИХА.....	241
ГЛАВА 11	
ТЛЕЮЩИЕ РУИНЫ И ПОТЕРЯННЫЙ КЛЮЧ.....	266
Эпилог	283
Благодарности	287
Примечания	291
Предметно-именной указатель	323

ПРЕДИСЛОВИЕ

Несправедливая империя отказывает в гражданстве талантливому чужестранцу, и в отместку он неожиданно для всех нападает на одну из ее главных культурных столиц — Рим. Его жизненный путь от преисполненного амбиций мальчишки до разочаровавшегося мужчины займет десятилетия. Но к тому времени, когда он умрет, в V в., его будут помнить как чужеземца, заставившего самых влиятельных политиков своего времени думать дважды, прежде чем называть кого-то варваром. Он изменил ход истории, но его собственная версия событий так и не была рассказана. Его звали Аларих, и это его история.

Он родился недалеко от реки, разделявшей две страны, и почувствовал на себе власть пограничной политики, согласно которой дети пришлых поселенцев были вынуждены покидать свои семьи. Он сделал молниеносную военную карьеру и превратился в почитаемого всеми вождя своего народа — готов. Но он так и не смог реализовать свою мечту и получить базовые права римского гражданина. В то время страну сковал политический паралич — это разочарование превратило его в защитника своего народа и врага Римской империи.

Время было беспощадно к деяниям Алариха и готов. Со времен Средневековья и до наших дней каждая новая тенденция, которая каким-то образом отклонялась от норм

общества, клеймилась как «готическая». С легкой руки враждебных критиков такое имя получили приводящая в трепет архитектура, леденящие душу истории ужасов и мрачный изломанный шрифт. Затворническая музыка жанра постпанк воспекает готическую хандру, как и современная субкультура, которая приветствует все темное, мрачное и жуткое. И если эпитет «римский», или «романский», всегда означал уважение традиций и приверженность классике, то слово «готический», как правило, отдавало чем-то варварским.

Меня как историка всегда очень интересовали корни стереотипов и грубых обобщений. Использование уничижительных слов и оскорбительных образов лишает многих людей полноценного участия в жизни сообщества, вытесняет их истории на задворки их собственной эпохи и стирает из памяти последующих поколений. Меня крайне тревожит мысль о том, как легко и жестоко можно испортить репутацию целой группы людей, превратить их в карикатуру на самих себя, и я давно подозревал, что имя готов тоже было опорочено подобным образом.

Вопреки мнению римлян, готы действительно внесли значительный вклад в мировую историю. Они ввели в обиход правовые обычаи, которые во многом сформировали современную Испанию, Португалию, Францию и Италию. Они боролись за человеческое достоинство и выступали против фанатизма и предубеждений, которые лежали в основе устаревших представлений о гражданстве. Они с невероятной прозорливостью отстаивали ценность религиозной терпимости, когда многие христиане преследовали еретиков, навязывали обществу драконовские моральные законы и запрещали свободу религиозного самовыражения.

Доступные нам источники о жизни Алариха удручающе скудны. Целые десятилетия его биографии просто

исчезли из истории, и то немногое, что мы о нем знаем, дошло до нас из вторых рук. Но последние четыре года я собирал все сведения, которые могли бы поведать о нем или о его семье, все артефакты, которые помогли бы приблизиться к его эпохе: от рукописей, испещренных чернилами, до кроличьих костей, оставшихся от готского ужина.

Многое из того, что уцелело, связано с жизнями людей, которые, вероятно, и подумать не могли, что окажутся на страницах исторической книги. Пожилая вдова, которая жила одна в своем особняке, маленькая девочка, проданная в рабство, сын крестьянина, в короткий срок ставший императором. Подчас от них остались лишь имена: Марцелла, Пассия, Максимин. Истории этих персонажей могут показаться малозначительными или совершенно бесполезными в качестве отправных точек для исследования жизни Алариха. Но их жизненный опыт может о многом нам рассказать.

Мы можем воссоздать историю о том, как семья Алариха поселилась в приграничной области, и с помощью археологических данных увидеть, как готский мальчик проводил там свои дни. Мы можем узнать, когда молодой Аларих вступил в армию и почему он это сделал. Мы даже можем подробно рассказать о политических интригах, которыми был опутан Рим в IV в. Из этих разрозненных фрагментов складывается образ реального человека. Из богатого контекста эпохи возникает живое представление об Аларихе, а вместе с этим — и о мире, который, как мы полагали, нам знаком, но на который мы никогда не смотрели его глазами.

Аларих и его народ были не единственными, кто жил на окраинах Римской империи в IV и V вв. Некоторые из этих других иноземцев заслужили печальную славу и все еще внушают страх. Вандалы, продвигаясь

из Северной Европы к своему новому дому в Северной Африке, оставили после себя полосу разрушений, полностью соответствовавших имени этого народа. Другие племена кажутся хорошо знакомыми благодаря их вождям. Аттила, уроженец степей Центральной Азии, вероятно, самый узнаваемый представитель народа гуннов. Но именно готы во главе с Аларихом устроили самое разрушительное нападение на город Рим за более чем тысячу лет его существования. Их история заинтересовала меня сильнее всего.

На протяжении столетий готы, жившие в долине Дуная, извлекали выгоду из тесного контакта со своими соседями. И все же римское пограничье всегда было спорной территорией, где разгоралась открытая вражда и зрели ксенофобские настроения. Сам Аларих был родом с противоположного берега реки Дунай, которая служила одной из северо-восточных границ Римской империи. Хотя людей из этой области часто называют вестготами, чтобы отличить их от остготов, которые пришли покорять Италию, во времена Алариха такого разделения не существовало. Оно было изобретено позже. Даже предыстория королевского титула Алариха сложнее, чем кажется. Слово «король» было кличем его преданных последователей, а не официальным титулом с обязательными атрибутами в виде скипетра и трона.

Сам Аларих уже в юности решил поступить на военную службу — возможно, для того, чтобы сделать карьеру. И невероятно в этом преуспел. Со временем став испытанным солдатом, который сражался на стороне императора-революционера, он объединял в себе два мира и говорил на двух языках: языке своих братьев по оружию и языке власти — языке Рима. Эти инструменты и таланты помогли ему продвинуться по служебной лестнице и внушили надежду получить доходную правительственную

должность в растущем политическом и дипломатическом центре, восточной столице империи — Константинополе. Но мнение Алариха о его «приемной» родине в последние годы IV столетия было испорчено: разгул фанатизма в римских городах, а также нежелание императора вознаградить готов за их службу подтолкнули Алариха к радикальным мерам. На заре V в. он убедил своих соратников искать отмщения.

Его нападение на Рим разворачивается на фоне событий, которые можно назвать одними из самых значительных в мировой истории: подъема христианства, роста могущества Персидской империи и распада некогда единого мира Средиземноморья. У этой эпохи есть и мрачная сторона: именно в это время фанатичные христиане разожгли гражданскую войну и превратили Римскую империю в одно из первых христианских государств. На волне своего триумфа они истолковали трехдневную осаду Аларихом Рима как предвестие конца света и, основываясь на Священном Писании, описали те семьдесят два часа как бедствие библейских масштабов. За несколько десятилетий они сделали страх — перед какой-либо другой катастрофой, перед чужеземцами — орудием, которое помогало им противостоять быстро меняющемуся миру, в то время как единственный политический порядок, который они когда-либо знали, лишил Рима центрального места, и власть устремилась к новым глобальным горизонтам.

Этот период не был жестоким «темным веком» коллапса городской цивилизации. Не был он и обнадеживающим «веком духовности», временем взбудораженного обращения к вере, когда люди стекались в церковь. Повсеместный фанатизм, поддерживаемое государством насилие со стороны христиан и иррациональная ксенофобия были повседневной реальностью последних лет существования Рима.

На самом деле, именно это открытие ожидало Алариха и готов, когда они впервые вступили в контакт с империей. Это была эпоха экстремизма — время, когда сторонники умеренных взглядов повсюду теряли политическую опору, а радикальные представления о религиозной идентичности, государственных границах и культурном обмене пропитали собой воздух, беспрепятственно распространившись по трем континентам. Политический, культурный и социальный распад Римской империи мог быть шокирующим событием для людей той эпохи, в которой жил Аларих, но он не был таким уж неожиданным. Их поколение на протяжении всей своей жизни было свидетелем социальной разобщенности и упадка государственной системы. И одной из самых острых проблем был вопрос о гражданстве и о том, могут ли чужеземцы стать римлянами.

Пришло время глубоко и по-новому задуматься о жизни маргинализированных групп, слишком часто игнорируемых в наших учебниках истории. Вот почему в этом рассказе о временах поздней Римской империи главным героем является не римлянин, а переселенец — человек, которого римляне сочли бы «беженцем», тем, кого они называли *profugus*. В конце концов Аларих сказал свое слово, когда нанес устрашающий удар. Но если вести рассказ с его точки зрения, падение Рима кажется не таким пугающим, как это событие обычно воспринимают. Эта готическая сказка — суровый урок о реалиях взросления.

ГЛАВА 1

СЕМЬДЕСЯТ ДВА ЧАСА

*Любой, кто нападает на один из городов,
нападает на все сразу¹.*

ЛИБАНИЙ АНТИОХИЙСКИЙ

День двадцать четвертого августа в Вечном городе начался как самый обыкновенный в череде ему подобных. Когда летние празднества длиною в месяц со скачками и фестивалями стали подходить к концу, рыночные лавки вновь открылись. Владельцы выставили наружу прилавки; жизнь наконец возвращалась в привычное русло. Давным-давно римляне воздали честь этому месяцу, даровав ему бессмертное имя своего первого императора Августа. Что касается этого двадцать четвертого августа, то оно выпало на пятнадцатый год правления императора Гонория, сорок второго по счету носителя этого титула². Уже много позже один христианский монах предложит отказаться от языческого летоисчисления, и год станет называться 410-м от Рождества Христова.

В ночь нападения Марцелла была дома. Пока другие римляне наслаждались роскошными обедами, она

предпочитала проводить время в окружении своих книг. Пестрое многообразие жизней и судеб было скручено в свитки и стиснуто жесткими переплетами томов, сложенных на полках библиотеки Марцеллы³. Сейчас ей было почти восемьдесят, но она еще с раннего возраста осмеливалась думать не как все.

Пока другие римляне ее возраста выставляли книги на всеобщее обозрение как символ высокого статуса, она окружила себя мыслителями былых времен, такими как Платон, чтобы найти ответы на мучившие ее извечные вопросы: что есть добро, что есть справедливость и что происходит с душой после смерти. Большинство ее любимых авторов давно умерли, но любопытство Марцеллы будило в ней страсть к исследованиям. Захватывающие истории об отшельнике, который боролся с демонами в египетской пустыне, вдохновили ее озаботиться чистотой собственной души. В ее распоряжении были средства, накопленные несколькими поколениями ее семьи; она овдовела спустя всего семь месяцев брака и, подобно святому Антонию, на собственном опыте убедилась в тщетности мирских богатств. Она отвергла всех женихов и больше никогда не выходила замуж. Община женщин-христианок стала почитать ее как наставницу. И одна из этих молодых девушек была с ней в ту самую ночь, когда Марцеллу похитили.

С Авентинского холма, где располагался квартал, в котором жила Марцелла, открывался вид на величайший стадион Рима — *Circus Maximus**. Несколько раз в месяц рев толпы прокатывался по улицам района, окаймленным кипарисами и пиниями. Дельцы и политики в своих тогах и туниках приходили попариться и помыться в местных банях. Состоятельные горожане обедали в элитных

* Большой цирк (лат.). — Прим. ред.

заведениях на холме, собирались в подземных банкетных залах, где их посвящали в тайны Митры, языческого бога звезд, история жизни которого помогала им постигать тайны эзотерической астрологии. Неподалеку в молитвенных домах собирались обращенные в христианство, которое все еще оставалось относительно молодой религией.

Но в ночь на двадцать четвертое августа 410 г. все меры безопасности, призванные обеспечить неприкосновенность городских стен, оказались напрасны. Деревянные створки и опускные решетки основных городских ворот на ночь было принято запирать. Их охраняли солдаты, а ночная стража посменно патрулировала город. Кроме того, жителей Рима успокаивал мерцающий свет факелов в переулках: на улицах всю ночь дежурили пожарные отряды. Но ни одна деталь в этом механизме городской защиты не сработала в ту ночь, которую римские историки отнесли к «1164 году с момента основания Рима», когда чужаки вломились внутрь через Соляные ворота — по маршруту, который когда-то пользовался популярностью у иностранных гостей столицы⁴.

За тысячу лет до описываемых событий выходцы из италийского племени сабинян шли в Рим по этой же самой дороге, чтобы обменять злаки и ремесленные товары на соль. К тому времени, когда жила Марцелла, сабиняне считались одним из множества коренных народов, чьи имена римляне сначала увековечили, а затем быстро забыли. Но Соляные ворота все еще стояли — все их знали, и все ими пользовались. Шедшая от них дорога, вымощенная базальтовой брусчаткой, стелилась по желтовато-бурым холмам Умбрии, вела в Северо-Восточную Италию, к побережью Адриатического моря и дальше, где встречалась с каменистым ландшафтом Балкан, соединяя сердце Римской империи с ее границей.

На этот раз Соляная дорога привела в Рим совсем других чужестранцев: эти люди пришли грабить и уводить в плен добропорядочных граждан, поджигать дома и общественные постройки. Они тщательно спланировали свое нападение так, чтобы вселить в сердца римлян как можно больше страха и ужаса.

Тишина, царившая на вилле Марцеллы, была роскошью, которую мало кто мог себе позволить в этом пестром многоязычном городе, чье население, вероятно, доходило до миллиона человек. Должно быть, она услышала доносившийся с подножия холма шум, более громкий и резкий, чем звуки игр на стадионе, прежде чем нападавшие ворвались в дом, выволокли ее из спальни⁵ и потащили в холодную мраморную церковь за городскими стенами⁶. То, что происходило в городе и во всей империи потом, в бесчисленном множестве книг описывается как три дня паники, всепоглощающей неизвестности и переговоров между правителями. В эти же дни Марцелла умерла. На известие о ее трагической кончине откликнулся письмом с соболезнованиями крупнейший христианский мыслитель Иероним из Вифлеема: он написал молодой подруге Марцеллы и выразил свое сожаление по поводу неожиданной утраты одного из «славных украшений всего города Рима».

Пожары вынудили множество римлян покинуть свои дома. Возможно, это и было целью нападавших: выкурить горожан наружу, вырвать из привычной апатии и наказать за несправедливость властей. В дело вступила городская пожарная команда — восемь тысяч человек, у которых были при себе ведра, лестницы, багры и покрывала, пропитанные уксусом, но которые никогда не сталкивались с бедствиями такого масштаба. По мере того как пожар распространялся и город превращался в дымящиеся угли,

жители покидали свои горящие дома; многие бесследно пропадали. Были потеряны целые состояния.

На рассвете следующего дня, двадцать пятого августа, жители начали осознать масштабы катастрофы. Захватчики не ограничились богатым кварталом Марцеллы на Авентинском холме. Разрушительной целенаправленной атаке и разграблению подверглись многие городские районы. Что тревожило еще сильнее, так это вседозволенность захватчиков. В течение следующих двух дней эти безжалостные чужаки — сколько их было, до сих пор остается под вопросом — держали гордый город и его жителей в заложниках.

Шестнадцать столетий спустя последние мгновения жизни Марцеллы кажутся завершением целой эпохи мировой истории. В те дни один епископ по случаю произошедшей трагедии прочел проповедь о том, как опасно жить в окружении «диких варваров»⁷. Иероним в своем эпистолярном панегирике Марцелле посетовал на ошеломляющий поворот судьбы, который низверг амбиции честолюбивых римлян с достигнутых городом вершин: *Capitur urbs quae totum cepit orbem!* — «Берут город, который взял весь мир!»⁸ Всего шесть коротких слов на латыни — даже в переводе это восклицание читается как отрезвляющий газетный заголовок. Для некоторых священнослужителей, живших в V в., уже одно это событие — разграбление Рима — означало, что половина некогда могущественной империи ныне стоит одной ногой в могиле. Для других, которые жили на востоке и в относительной безопасности, включая чувствительных, но громких и ярых христианских проповедников вроде Тимофея Элур⁹, нападение явилось знаком того, что предсказания о пришествии Антихриста и скором конце света начали сбываться.

Римские граждане по всей империи были потрясены случившимся. В то время как более состоятельные жители Италии бежали в свои вторые дома в Африке, а тяжело нагруженные корабли отплывали из римской гавани, новости медленно расползались по многочисленным территориальным владениям Рима в Европе, Африке и Азии. В ближайшие дни и недели «величайшие города отдаленнейших стран налагают на себя публичный траур»¹⁰, писал из небольшого городка к западу от великого африканского порта Карфаген епископ Августин Иппонийский. Известно, что и некоторые друзья Марцеллы пополнили ряды христианских общин в Африке.

Мало кто из римлян ожидал такого разрушительного нападения. Последний задокументированный случай вторжения чужаков в город произошел почти восемью столетиями ранее, в 390 г. до н.э., когда Рим был неожиданно спасен от гибели отрядом пернатых защитников.

Под покровом ночи, как повествует римский автор Тит Ливий, орава волосатых и замызганных галльских воинов решила штурмом взять самую священную цитадель столицы, Капитолийский холм¹¹. Скрытые темнотой, незаметно следуя по тускло освещенным улицам, «они даже не разбудили собак — животных, столь чутких к ночным шорохам». Когда галлы приблизились к холму, казалось, что ничто не может остановить уничтожение города — ничто, кроме птиц.

При звуке приближающихся шагов гуси, которые жили на территории храма Юноны и были посвящены этой богине, загоготали и подняли тревогу. Их пронзительные крики разбудили римских солдат, которые тут же бросились на боевые посты. С того самого дня капитолийские птицы всегда почитались как герои первого — и на протяжении столетий единственного — нападения чужеземцев на город.

За эти восемь веков многое изменилось. Старая добрая Римская республика превратилась в империю с населением шестьдесят миллионов человек. Там, где раньше один не терпящий возражений Цезарь казался совершенно непомерной фигурой и оскорблял традиции совместного управления республиканского правительства Рима, со временем два цезаря стали нормой, важным источником политической стабильности для государства, чья власть простиралась на целых три континента. Рим, город, по словам античного автора Плутарха, основанный как убежище, — латинское слово *asylum* переводится как «убежище для беглецов» — превратился в оплот неслыханного богатства и власти¹². К III в. римский народ полностью отдался «космополитизму» — это понятие сшито из греческих слов, означающих «всемирный» (κόσμος) и «гражданин» (πολίτης)¹³.

Однако по мере того, как Римская империя расширялась и впитывала множество различных культур, сохранялся мучительный страх перед людьми, которые выглядели или говорили иначе. Чужестранцев называли «варварами» — термином, заимствованным римлянами у греков. Стереотипы были обычным явлением, а предубеждения редко кто-то ставил под сомнение. Таких людей, как готы, родившихся в местах с более холодным климатом, сравнивали с медведями, потому что они появились на свет под созвездиями Большой и Малой Медведицы. Северян обычно считали недружелюбными: по общепринятому мнению, их родные места были слишком холодными, чтобы там могли появиться люди с теплыми сердцами.

Сознание римлян было искажено суеверными географическими представлениями, которые они переняли от красноречивых поэтов и сочинителей¹⁴. Несмотря на существование навигационных схем и карт, по которым ориентировались античные первопроходцы, именно

воображение художников, а не точные сведения путешественников и знатоков формировали знания древних греков и римлян об окружающем мире. Страна выжженной земли, которая с легкой руки греческих авторов, таких как Гомер, и дала название Эфиопии, была самой южной точкой на карте, которую многие могли себе вообразить. В эпоху Александра Великого границей мироздания, известного человечеству, считались земли гиперборейцев — мифического племени, живущего на далеком севере, «за холодным ветром». Первые римские императоры отправляли своих разведчиков на восток и северо-запад, и те возвращались с известиями о Месопотамии и Британских островах, а также с предметами роскоши — от груш до жемчуга. Но через два столетия после того, как Цезарь перешел Рубикон, самыми ясными территориальными границами империи все еще оставались реки: легендарный Евфрат на востоке, вытянувшийся с севера на юг Рейн, прикрывающий Галлию, и Дунай, простиравшийся через Восточную Европу. Только в VI в. римский исследователь напишет первый сохранившийся до наших дней рассказ об увиденном в землях Китая.

Центром этого якобы цивилизованного мира был край средиземноморских оливковых деревьев с его умеренным климатом и густонаселенными городами, в которых обитали просвещенные жители. Эти бурлящие центры с общей культурой и ценностями соединяла целая сеть дорог. Люди, жившие за тысячи километров друг от друга, встречались на открытых городских форумах. Для людей IV в. Рим долгое время был средоточием культуры — почти таким же вечным и неизменным, как Земля, которая, согласно представлениям греков и римлян, покоилась в центре Вселенной.

Не было необходимости покидать город, чтобы прикоснуться к богатствам земель, лежавших за его пределами.

«Грузовых судов, отовсюду в любое время года¹⁵, даже в пору осеннего равноденствия, везущих товары, приходит сюда столько, что Город похож на некий всемирный рынок, — заметил один античный автор во II в. — Если кто-нибудь здесь чего-то не увидит, значит, этого не было и нет на свете¹⁶»*. Даже в начале V в. посетители римских рынков могли почувствовать запах дорогих масел и специй, привозимых неиссякаемым потоком грузов из Йемена, Эфиопии и Индии, в том числе хвойно-анисовый аромат ладана и древесной смолы мирры. И величие памятников Рима по-прежнему действовало на людей магнетически. Представители всех сословий приходили посмотреть, как песок на арене Колизея темнеет, впитывая брызги крови экзотических зверей, на которых охотились для развлечения толпы. До многих доходили слухи об ослепительном купольном зале, где император проводил аудиенции, — красочном Пантеоне.

В латыни есть простой способ обозначать объемные понятия. Чтобы кратко указать на трудно поддающиеся определению нематериальные качества, римляне использовали один лингвистический прием, и многие из слов, которые они составили с его помощью, легко распознать. Состояние свободы они обозначили словом *libertas*, серьезность и важность — словом *gravitas*. А для самого абстрактного понятия — представления о том, что значит жить под властью императоров, называть одну из ста с лишним провинций своим домом и знать, что границы вашего мира днем и ночью охраняются солдатами на рубежах, — они придумали слово *Romanitas*.

Римляне, употреблявшие это слово, знали, что они принадлежат к сообществу, которое больше, чем один город,

* Перевод С. И. Межеричкой.

больше, чем они сами. Но ему было почти невозможно дать точное определение. Еще до нападения, случившегося в 410 г., представление о том, что значит «быть римлянином», включало в себя целый набор обычаев, языков, религий и ценностей. В эту общность входили носители латинского и греческого языков, горожане и сельские жители, иудеи, христиане, верующие в греческих и римских богов, а также атеисты. Целые поколения римлян ломали головы, стремясь прояснить значение слова *Romanitas*, и нередко от них можно было услышать целые нагромождения речевых оборотов, столь же пестрых, как население Афин и Зевгмы.

Но римляне, которым нравилось это понятие, по крайней мере, разделяли воззрения своего общества. Каждый мог стремиться к одним и тем же идеалам — как внутри империи, так и за ее пределами. На самом деле римляне разделяли это надменное этноцентрическое представление о своей культуре, даже если никогда не видели чужих краев. Принадлежность человека к принципам *Romanitas* определялась товарами, которые он приобретал, принципами терпимости, которые он исповедовал, и его личными амбициями. Посетители средиземноморских городов могли без труда распознать эти римские ценности.

Город Рим был их самым ярким воплощением. В своих богато украшенных спальнях римские жены кичились богатством и «платьями из блестящего импортного шелка»¹⁷, чтобы произвести впечатление на друзей, в то время как на публике сенаторы спускали состояния на игры для своих сыновей¹⁸ — кровавую охоту и жестокие скачки, — чтобы юноша вышел в свет известным человеком. Один политик потратил две тысячи фунтов золота, почти половину годового дохода самых богатых семей Рима, чтобы отпраздновать избрание сына на должность. Женщины тонко пахли

персидским мускусом, их не столь утонченные мужья — вином. Семьи из высшего общества наблюдали, как их вложения приносили доход в виде оливок, винограда и керамики. Каждая из их вилл выглядела как город среднего размера¹⁹, изобилующий собственными храмами, фонтанами и банями. «Ни один другой город²⁰, — говорили о Риме, — никогда не мог по-настоящему называть себя домом правителей мира». Заявление явно было преувеличением, но самовлюбленность, которой оно пропитано, говорит сама за себя.

Тем не менее, несмотря на все старания, даже неистовые ксенофобы не могли оградить себя от соприкосновения с чужими культурами. Каждый день, проведенный на кухне, на овощном рынке и за обеденным столом, приносил новые знакомства с обычаями и странами далеких чужеземцев. В I и II вв. римляне угощались сирийскими финиками и египетскими оливками, а их империя достигла Восточного Средиземноморья. В IV в. при приготовлении популярного пастообразного сыра с травами использовали персидские груши²¹, которые впервые заметил еще Александр Македонский на границе эллинистического мира в Центральной Азии, — теперь их собирали с деревьев, растущих на римской земле. Во времена Марцеллы желанным деликатесом было мясо индийского попугая — своеобразный аналог эскарго* или супа из акульих плавников. Вездесущие юристы и их требовательные клиенты заказывали его в быстро растущей восточной столице империи — Константинополе. Вино ввозилось в Италию из Газы начиная с первых дней существования империи и вплоть до V в.

* Эскарго — французское блюдо из улиток, подаваемое с белым сухим вином. — *Прим. ред.*

Эпикурейцы, которые любили подобные экзотические блюда (и не были лишены способности к саморефлексии), знали, что Римскую империю построили чужеземцы. Но к IV в. иммигрантов регулярно встречали глумлением и насмешками: римское общество, в котором некогда царило безграничное чувство свободы, оказалось заковано в жесткую двухуровневую систему. Граждане и неграждане по-прежнему жили бок о бок, иногда в одной и той же римской деревне, но у них были совершенно разные юридические права. На языке бюрократии эти иммигранты классифицировались как «союзники» (*foederati*), «перемещенные» (*dediticii*) или «удачливые» (*laeti*). Но они оставались заложниками этих жестких категорий латинского права и не могли получить статус полноправного гражданина. В результате иностранцы постоянно подвергались незаслуженным насмешкам за свою одежду, язык или культурные обычаи, которые они с собой принесли. «Все оскорбляют иммигранта»²², — усмехался латинский поэт IV в. Клавдиан.

Рим изменился. Римляне, которых развлекали такие поэты, как Клавдиан, были высокообразованной элитой, уверенной в своем положении, и предпочитали оставаться в стороне от проблем простых людей. Один писатель рассказал историю о двух обедавших вместе римлянах²³, которые спорили о правильном грамматическом употреблении латинского слова «границы», *limites*, но опустили более серьезные вопросы о пограничной политике. Другие римляне клялись в своей верности не давнему идеалу *Romanitas*, а отдельным городам, в которых проживали. «Я гражданин Бордо»²⁴, — безапелляционно заявлял один из них, лицемерно игнорируя римские дороги, по которым он путешествовал, римские деньги, которые использовал для покупки письменных принадлежностей, и римские

суды, охранявшие его собственность. Местное правительство Бордо не предоставляло ни одну из этих гарантий или удобств. Они появились только благодаря казне Рима. Но для жителя римской Галлии показная гордость за родной город, вероятно, была эффективной стратегией защиты от нежелательного вторжения чужаков.

Когда стихи римских поэтов стали отдавать популизмом и имперскими амбициями, простолюдины последовали их примеру, подливая масла в огонь ксенофобии и культурного превосходства. Они делали это в своей жестокой манере — через насилие в цирке или на ипподроме, где очереди на популярные спортивные мероприятия начинали собираться за несколько дней до начала. Адреналин держал на ногах эти сборища людей, жаждущих вкусить ударную смесь выпивки и азартных игр; к тому времени, когда лошади подходили к стартовым воротам, зрители часто уже превращались в агрессивную толпу. Они со злобой смотрели на возниц, сокрушались из-за потерянных денег и, отчаявшись из-за проигранной гонки, вопили, что чужеземцев нужно изгнать из города. Один современник разумно заметил, что люди на трибунах, обуреваемые страстью, казалось, забыли, что римский народ «ради собственного выживания всегда полагался на помощь этих чужеземцев»²⁵.

В чем древние проявляли поистине впечатляющую находчивость, так это в унижении других этнических групп. Некоторые римляне увековечивали свое превосходство военными монументами или высекали на стенках своих саркофагов сцены, изображающие разгром врагов; римские граждане, которые и после смерти хотели демонстрировать свой мирской успех, часто пользовались этим декоративным мотивом. Горожанин мог купить красочные статуи, чтобы украсить сад: вот здесь умирающий галл,

а там — «героический дикарь» из Галатии, совершающий самоубийство. Чувство культурного превосходства, укоренившееся среди римлян, пережило даже их собственную империю. В Средние века, спустя столетия после падения Рима, монахи обменивались короткими списками²⁶, в которых перечислялись худшие черты характера иностранцев с использованием тропов, позаимствованных из трудов классических авторов. Персы были неверными, египтяне — лукавыми, галлы — обжорами, саксы — глупыми, а евреи — завистливыми. Африканцы были непоследовательными, лангобарды — тщеславными, а греки, которым всегда припоминали того деревянного коня, — лживыми. Некоторые из латинских выражений, должно быть, становились поводом для смеха за средневековым обеденным столом, когда братья-христиане оттачивали свое остроумие на живых мишенях. Их монастыри сохранили лучшее из древних знаний и худшее из римских привычек, чтобы позже европейцы могли сполна воспользоваться этим наследием.

Среди тех, чья жизнь безвозвратно изменилась после нападения Алариха на культурную столицу Римской империи, был двадцатилетний молодой человек по имени Гонорий. Будучи вовлеченным в политику с юных лет, он не знал ничего, кроме «золотых ложек» дворцовой жизни, как блестяще заметил один латинский поэт, и пришел к власти после скоропостижной смерти своего отца. Пятнадцать лет он носил почетный титул Августа, или императора, — властелина империи, которая, согласно предсказанию Вергилия, будет простираться «до пределов вселенной»²⁷.

В годы, предшествовавшие той ночи двадцать четвертого августа 410 г., юношеская неопытность, которая могла пагубно сказываться на решениях императора, не беспокоила большинство римлян. Опекуну из семейного круга и царедворцы всегда приходили на помощь со своими полезными советами. Но в это кризисное время именно он должен был править Римом, хотя сам в тот момент даже не находился в столице. Соправитель Гонория, его девятилетний племянник Феодосий II, укрылся в Константинополе. Гонорий предпочел дворец на севере Адриатического моря, недалеко от военного порта в Равенне — достаточно безопасное место, где он смог править еще тринадцать лет после нападения Алариха.

Никто не обвинял двух молодых императоров в том, что они решили жить за пределами Рима. В предшествующем столетии так поступали почти все преемники Цезаря — по административным, дипломатическим и стратегическим причинам. Чтобы управлять более чем сотней заморских владений, многие из которых сталкивались с серьезными внешними угрозами, императоры стали устраивать свои резиденции в разных частях империи.

Вскоре после того, как император, его семья и их свита перебирались в свои новые резиденции, жители городов, которые раньше находились на периферии римского мира, замечали, что их экономический и культурный уровень вырос. Такие города, как Трир на реке Мозель, притоке Рейна, Никомедия в Западной Турции и Антиохия у сирийского побережья Средиземного моря, превратились в уважаемые центры деловой и политической жизни. Ко времени правления отца Гонория обязанности императора обычно были разделены между главами двух областей — западной и восточной — чтобы громоздкому политическому аппарату Рима было легче собирать налоги,

управлять своей обширной сетью судебных инстанций и в случае необходимости разворачивать войска.

Современные историки, ищущие кратчайший путь к Средневековью, иногда называют эти две части империи византийским Востоком и латинским Западом, чтобы подготовить читателей к геополитическим реалиям, которые утвердились после краха римского государства. Но Рим не был разделен надвое. Для любого римлянина, гражданина или раба, единство империи не подлежало сомнению.

Когда люди Алариха прорвались через Соляные ворота, местным римским политикам, и в первую очередь известным сенаторам, внезапно пришлось взять на себя лидерскую роль, которой они не играли уже не одну сотню лет. Поскольку деликатные переговоры обычно вели императоры, многим из этих до неприличия богатых людей не хватало практики в искусстве дипломатии, и им приходилось дожидаться, когда из дворцов им пришлют инструкции. А простые римляне, ходившие по мощеным улицам города, знали и того меньше. Почему на их город только что напали? Нанесут ли по Риму — или какому-то другому городу — еще один удар? И кто были эти люди, которые посмели совершить этот невообразимый, непростительный, неоправданный акт агрессии против SPQR, «Сената и народа Рима», и их, казалось бы, непобедимой империи?

Когда жители начали искать ответы, священная трибуна в центре городского форума, где жители Рима обычно собирались во времена кризиса, хранила молчание. Ни один оратор не поднялся на эту трибуну, чтобы произнести успокаивающую речь на латыни; даже словоохотливые сенаторы предпочитали держать язык за зубами и не выдавать секретов, о которых им было известно давно. За последний десяток лет многие из них принимали участие в тайных

совещаниях и на высшем уровне обсуждали угрозы, стоящие перед империей, в том числе и опасность разбойного нападения²⁸. Мы не до конца понимаем вызовы, с которыми столкнулся Рим в начале V в., но латинский автор Клавдиан в эти годы написал две поэмы: «Готская война» и «Панегирик на шестое консульство Гонория Августа», и в обоих этих произведениях угадываются темы тайных обсуждений, за которыми последовало случившееся в 410 г. нападение. Имя одного чужеземца — гота, известного просто как Аларих, — за это время неоднократно привлекало внимание правительства. Стихи Клавдиана представляют собой самое убедительное свидетельство, пресловутое «шило в мешке», которое доказывает, насколько глубоко Рим был обеспокоен существованием этого человека. Советники заверяли императоров, что Аларих не является угрозой для государства и может создавать только локальные неприятности, но многие сенаторы уже начали сомневаться в мудрости этого предположения.

ГЛАВА 2

ПЕРВОПРОХОДЕЦ

*Будьте же смелыми, чтобы те, кто придет
после вас, могли вами гордиться¹.*

ЕВНАПИЙ ИЗ САРД

Давайте на мгновение представим себе любопытного восьмилетнего мальчика, который однажды летом собирается поиграть со своими друзьями в окутанном сумерками лесу. Они бродят вдали от безопасного родительского дома, и именно тогда он впервые в своей жизни обнаруживает широкую и величественную речную полосу — настоящее чудо природы, — буквально разделяющую его мир пополам. Она пересекает горизонт слева направо, напоминая запись на тайном языке, который понятен только ему одному. С этого момента он не может стереть реку из своей памяти. Теперь она становится частью его естества, на самом глубинном уровне вплетается в его судьбу. И все же, будучи ребенком, не помышляющим о серьезных свершениях, он еще не может разгадать смысл этого послания.

В конце концов ему все объясняют родители. Они приводят его на берег и, говоря тихим и, возможно, смущенным